

Л. М. Чичагов

Талергофский Альманах
Выпуск 4. Талергоф. Часть 2

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. М. Чичагов**
Талергофский Альманах: Выпуск 4. Талергоф. Часть 2 / Л. М. Чичагов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 166 с.

ISBN 978-5-458-53914-2

Талергофский Альманах. Памятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время Всемирной войны 1914-1917 гг. Выпуск 4. Талергоф. Часть 2

ISBN 978-5-458-53914-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

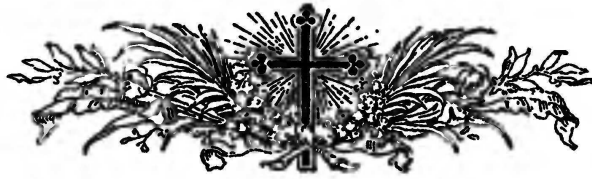
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Дневникъ о. Іоанна Мащака

(изъ Липицы дольной, у. Рогатинъ)

(Черновыя записи химическимъ карандашомъ въ 4 тетрадахъ въ 16° л.,
карточки нумерованы).

Декабрь 1914 г.

3. дек. — Морозъ. Вчерашнія предположенія относительно пушечныхъ выстрѣловъ оправдались: Бѣлградъ палъ.

4. дек. — Легкій морозъ. Узнали, что прусская армія подъ Г. понесла большой уронъ. В-ръ сказалъ, что до сихъ поръ еще не было такого страшнаго погрома.

По баракамъ разносятъ и продаютъ: водку, чай, сахаръ, папиросы, иголки, нитки, бумагу и пр. Курятъ и въ баракѣ.

Говорятъ, что 14. дек. выселятъ всѣхъ насъ изъ талергоф. бараконъ и переведутъ куда-то въ другія мѣста.

Явилась комиссія. Есть г. Вейсъ, г. Смулка, нашъ полковникъ и др. и адвокатъ Ганкевичъ изъ Коломыи, какъ мужъ довѣрія. Допрашиваютъ прежде всего мазепинцевъ, затѣмъ вообще стариковъ и др. Образованы разныя комиссіи по исполненію работъ. Какой-то ротмистръ и др. созывали Zimmer-комендантовъ и офицеровъ, обратились къ намъ: „Мы къ вамъ имѣемъ дѣло — ваши люди должны помочь намъ сдѣлать причы (нары) и новые бараки; мы хотимъ устроить такъ, чтобы вамъ здѣсь было лучше жить и спать. Помогающіе при работѣ получаютъ $\frac{1}{2}$ хлѣба больше“.

Характерно, что допрашиваемому о. Юркевичу изъ Роздоля, заявили, что онъ еще 20 авг. освобожденъ и какъ же это вышло, что онъ еще до сихъ

поръ здѣсь сидитъ? Изумилась комиссія и еще больше самъ о. Юркевичъ.

5. дек — Морозъ держитъ дальше. Днесъ комиссіи нѣтъ уже за то явились аудиторы. Дождались и госпиталя. Въ другой серіи бараконъ выдѣленъ одинъ баракъ подъ госпиталь. Тамъ есть полъ и кровати. Больныхъ перевели туда, между прочими совѣтника Литынскаго, адвоката изъ Галича Копыстьянскаго, помѣщика Жаровскаго и др.

Въ 4 ч. дня стоящій на посту, внѣ барака, солдатъ выстрѣлилъ въ перелѣзавшаго черезъ заборъ крестьянина, но въ него не попалъ, но вмѣсто этого пуля черезъ стѣну барака попала въ другого, какъ разъ тогда молящагося крестьянина и, зацѣвъ верхнюю часть легкаго, убила. Убитый называется Иванъ Попикъ изъ села Медыничъ, отецъ 7 дѣтей. Выстрѣлившій солдатъ называется Hauptmann. Стоявшій напротивъ другой солдатъ крикнулъ ему: не стрѣляй! (это былъ чехъ по національности) но напрасно.

Весьма скоро, ибо таки вечеромъ того же дня, т. е. въ 2 часа послѣ убійства, убитаго крестьянина похоронили. Опасаясь демонстраціи, приказали, чтобы только 4 человекъ отнесли покойника на кладбище, но вопреки этому запрещенію, собралось на похороны очень много народа. Хоронилъ о. Владиміръ Венгриновичъ, съ хоромъ отслуживъ панихиду. Покойника перенесли

ближе къ рѣшеткѣ, о. Владиміръ прочиталъ Евангеліе отъ Матѳея... „гонимы будете имени моего ради и убіють вы“ и т. д. Эти слова Евангелія потрясающимъ образомъ подѣйствовали на слушателей. За рѣшетку выпущено только 4 людей нести гробъ дальше, но хоръ продолжалъ стоять у рѣшетки и пѣть: „со святыми упокой“...

Сообщили намъ отрадное извѣстіе, а именно, что, наконецъ, пришла конгруа (священническое жалованье). Мнѣ признано по 31. дѣк. 458·12 кронъ. Священники повеселѣли, такъ какъ въ виду слуховъ, что ихъ куданибудь переведутъ только подъ надзоръ, надѣются, что у нихъ уже будутъ кое-какія средства къ жизни.

Съ депозитами дѣло неладно: отобрали деньги и не возвращаютъ ихъ, несмотря на многочисленные настойчивыя письменныя и иные запросы и требованія.

Кто-то изъ здѣшнихъ сдѣлалъ на коменданта 4-го барака, о. Сѣлецкаго, доносъ прокурору. Вотъ подлость. Даже здѣсь, въ тюремѣ, и то эти мерзавцы продолжаютъ заниматься своимъ отвратительнымъ ремесломъ.

6. дѣк. — Сегодня ровно 4 мѣсяца тому, какъ меня арестовали. Морозъ легкій. Воскресенье.

Въ 12 ч. „дзядзьо“, (о. Дольницкій) сообщилъ, что въ часъ 30 м. онъ уѣзжаетъ въ Грацъ. Всѣхъ насъ эта вѣсть обрадовала, а старикъ былъ взволнованъ. Въ часъ и 15 м. въ баракѣ, мы съ нимъ распростились. Комендантъ, нотаріусъ Телесничій, прощалъ его отъ имени находящихся въ баракѣ, желая счастливаго возвращенія на родину, на закатѣ лѣтъ. Старикъ прослезился. Отъ духовенства я его прощалъ.

— Мы, младшіе, сказалъ я между прочимъ — особенно больно были поражены 31-го августа, когда увидѣли, что между нами находится арестованный также такой глубокой старикъ и все недоумѣвали, почему онъ здѣсь, но затѣмъ узнали, что и это по велѣнію Божію такъ вышло на то, чтобы мы, видя геройское терпѣніе и бодрый духъ старика, легче сами переносили тяготы узилища. Поистинѣ самый видъ Вашъ

вселялъ всегда упованіе и духовный подъемъ въ наши неразъ падающія сердца. Богъ да будетъ съ Вами, а Вы помните о насъ въ молитвахъ Вашихъ.

Затѣмъ сказалъ прощальное слово его старый знакомый о. Ник. Малинякъ. Отвѣтилъ „дзядзьо“ просто, сердечно, трогательно. Велѣлъ намъ въ ежедневныхъ молитвахъ уповать на помощь Пр. Богородицы и по крайней мѣрѣ вздохнуть въ трудную минуту испытанія призывомъ: Пресвятая Богородице, спаси насъ. Пропѣлъ даже краткую молитву ко Пр. Богородицѣ по итальянски, собой на досугъ сочиненную. Потомъ о. Кор. Сеникъ попрощалъ его отъ имени крестьянъ, которые привыкли всегда видѣть и слушать съ умиленіемъ старичка-священника во время богослуженій.

Послѣ привѣтствій, мощный хоръ сталъ пѣть нашимъ галицко-русскимъ напѣвомъ: Многая лѣта! Безъ команды, какъ то сами собой многіе стали въ 2 ряда, вдаль которыхъ старикъ сталъ медленно идти къ воротамъ, до 2000 человекъ сопровождали „дзядзьо“ до рѣшетки въ то время, какъ хоръ грянулъ свое громовое: „во здравіе, во спасеніе“. Свыше тысячи шапокъ поднялись въ воздухъ и долго еще были въ движеніи, пока старикъ пропалъ изъ виду.

Явились 2 офицера, врачъ и солдатъ, у д-ра Вл. Могильничаго и спрашивали о подробностяхъ убійства солдатомъ Попика, а затѣмъ пошли на мѣсто искать пулю, но не нашли ея.

Узналъ изъ Лемковины, вотъ что: Въ арестный домъ при окружномъ судѣ былъ заключенъ польскій ксендзь изъ м. Дембсвцы возлѣ Ясла. Въ той же камерѣ сидѣли оо. В. Курылло, Качмарчикъ, Вл. Мохнацкій и др. Онъ разсказалъ, что купилъ себѣ пару голубей, которыхъ ему принесли двое мальчиковъ, и вдругъ кто то сдѣлалъ доносъ, что будто это почтовые голуби. Сейчасъ жандармы арестовали его и этихъ 2 мальчиковъ, какъ заподозрѣнныхъ въ шпіонствѣ. Онъ разсказывалъ, что по прибытіи русскихъ войскъ, русскіе офицеры въ Яслѣ вели себя въ полномъ смыслѣ слова по джентельменски. На

ратушѣ города сейчасъ былъ водруженъ русскій флагъ. За все, что получали, платили исправно, сейчасъ и сполна. Кушали въ ресторанахъ, платя золотомъ. Впослѣдствіи явились у городского головы съ просьбой, чтобы имъ выдалъ удостовѣреніе въ томъ, что ихъ поведение было корректно и всѣ дѣла въ порядкѣ. Гостили также у него, ксендза, и онъ не находитъ достаточно словъ, чтобы высказать самую высокую похвалу по адресу офицеровъ такого отличнаго воспитанія и поведения.

7 дек — Вечеромъ привели въ баракъ польскаго ксендза, россійскаго подданнаго, нѣкоего Винкентія Замойскаго, члена келецкаго капитула(?), какъ говорятъ

Днесъ уходятъ 14 человекъ обоого пола и разнаго возраста, почти всѣ — мазепинцы.

(Примѣчаніе) Въ Славскѣ о Евстахій Качмарскій держалъ въ церкви, передъ отъѣздомъ изъ своего прихода проповѣдь, съ характерной малорусской хитростью. Совѣтовалъ своимъ прихожанамъ поступать такъ: придутъ мадьяре — вы скажете, що вы украинцы, придутъ москали — вы скажете что вы староруссы. „Я самъ такъ зробивь бы — заключилъ твердо и убѣдительно — та боюсь тѣхъ старорусскихъ селянъ, шобы мене не зрадили“. Характеръ!

Примѣч.: Въ Сосницу, у. Ярославъ, 12 окт. пришли мадьяре и схватили 6 крестьянъ за то, что они, слушаясь казаковъ, перевели имъ изъ помѣщичьяго двора скотъ и перевезли сѣно. Схваченнымъ приказали вырыть себѣ могилы и тутъ же этихъ крестьянъ повѣсили и сейчасъ же ихъ, еще теплыхъ, въ этихъ могилахъ похоронили. Имена и фамиліи этихъ несчастныхъ: Иванъ Шусточка, Илько Якимецъ, Илько Яворскій, Николай Снѣгуровскій, Андрей Гордѣй, Иванъ Кошка

8 дек. — Легкій морозъ. По баракамъ раздають прици (нары) Днесъ ходили къ рапорту всѣ, кто писали Majestätsgesuche (прошенія на высочайшее имя). Полковникъ принялъ ихъ очень вѣжливо и заявилъ, что прошенія не посланы командѣ потому, что много

требованій и такъ уже улажено, а тѣ, которыя еще не улажены, суть распоряженія, впрочемъ же прошенія должны идти по почтѣ, а не официальнымъ путемъ. Кто хочетъ, можетъ и теперь еще такое прошеніе послать по почтѣ. Сообщилъ, что тѣ, которые считаются пол тычески неблагонадежными и кото-

Свящ. о Іоаннъ Машакъ.

настоятель прихода Липица дольняя, уѣздъ Рогатинъ, въ Галичинѣ, авторъ помѣщеннаго здѣсь дневника.

Снимокъ сдѣланъ въ Талергофѣ и, подобно дневнику, вѣрно свидѣльствуетъ о тяжеломъ положеніи заключенныхъ въ Талергофѣ. Всякій, кто зналъ о Іоанна Мшака до войны, его полный, здоровый и бодрый видъ, жизнерадостное лицо, привѣтливый и скорѣе мечтательный глаза, пораженъ перемѣной запечатлѣнной на этомъ снимкѣ и происшедшей въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ пребыванія въ Талергофѣ.

Родился въ 1861 г. Уже задолго до войны выдающийся галицко-русский общественный дѣятель, народный писатель и организаторъ. До войны долготѣтній членъ верховной политической галицко-русской организациі „Русскій Народный Совѣтъ“ и членъ правленія политич. О-ва „Русская Рада“ во Львовѣ, членъ всѣхъ центральныхъ гал.-рус. организаций и О-въ. Авторъ популярной иллюстрир. Библии, народныхъ разсказовъ и поучительныхъ и политическихъ статей въ гал.-рус. изданіяхъ. Талантливый проповѣдникъ и ораторъ на богослуженіяхъ и совѣщаніяхъ общихъ (генеральныхъ) собраній на родно-просвѣтительнаго О-ва им. М. Качковскаго во Львовѣ. Доблестный и неустрашимый борецъ за права родного народа подъ лютымъ австрійскимъ владычествомъ.

Редакція.

рыхъ какъ „руссофиловъ“ представили староства, останутся здѣсь до конца войны, дабы случайно не попали на театр военныхъ дѣйствій и не нанесли вреда своей родинѣ, „освобожденные“ же будутъ отпущены на свободу (не въ Галичину, разумѣется). Проф. д-ръ Николай Антонецъ жаловался полковнику на то, что все время, особенно вначалѣ, обращались съ нами, какъ съ обыкновенными преступниками и угрожали намъ разстрѣломъ. Полковникъ извинялся, заявляя, что онъ былъ такъ поинформированъ, и потому не виноватъ въ строгомъ обращеніи съ нами.

Примѣч.: Михаила Дублянскаго изъ Майдана липовецкаго (у. Перемышляны) одинъ солдатъ укололъ 6 сент. въ грудь штыкомъ на поляхъ Талергофа. Онъ затѣмъ вылечился и самъ мнѣ это разсказывалъ.

Изъ Самбора, 6-го сент., ѣхалъ транспортъ арестованныхъ въ Угорщину. Въ Лавочномъ, на станціи, вошелъ въ вагонъ фенрихъ (прапорщикъ). Въ вагонѣ ѣхали: оо. Северъ Ясиницкій, Гр. Билинскій, Монастырскій, г. Гмытрикъ,

Куцѣй, студ. унив. Сковронъ¹⁾, крестьяне изъ окрестностей Борыслава, нпр. Лютикъ и др.

Конвоирующій ихъ въ вагонѣ воинъ не хотѣлъ фенриха впустить. Но фенрихъ сказалъ, что онъ хочетъ только посмотрѣть, и какъ-то втиснулся внутрь и, не говоря ни слова, перваго о. Севера Ясиницкаго со всего размаха ударяетъ кнутомъ по головѣ. Шляпа съ священника слетѣла на землю, фенрихъ ударилъ еще разъ кнутомъ, а потомъ ударилъ рукой по лицу съ обѣихъ сторонъ. На это о. Северъ успѣлъ только сказать: Gott wird uns richten (Богъ намъ судья). Эти слова привели фенриха въ крайнее бѣшенство, онъ еще злобнѣе сталъ бить, крича: Was, Gott, Gott, Gott! и ударяя при каждомъ словѣ кнутомъ. Только послѣ того, какъ о. Северъ сказалъ, что самъ служилъ нѣкогда въ арміи вольноопредѣляющимся, и былъ офицеромъ, фенрихъ пересталъ бить его, а бросился бить другихъ арестованныхъ. Фенрихъ очевидно не нѣмецъ (говорилъ хорошо по польски). Такія же истязанія арестованныхъ продолжались и въ Марошъ Ляборъ (въ Угорщинѣ). Поѣздъ остановился и заключенные выходили изъ вагона и подходили къ ужину и тогда ихъ били всѣхъ, даже женщинъ. г-жу Стеранку, жену о. Севера Ясиницкаго и др., поочередно. Устроили это такъ, что оставили 4 солдатъ съ палками и солдаты били несчастныхъ, ксгда они проходили. Тогда о. С. Ясиницкій выходилъ изъ вагона послѣднимъ. Солдатъ мадьяръ копнулъ (ударилъ ногою) его сапогомъ такъ сильно, что свалилъ наземь, затѣмъ схватилъ его за шиворотъ, вывелъ передъ находящуюся на вокзалѣ публику и представилъ, показывая пальцемъ: попъ! попъ! ударилъ

¹⁾ Какъ въ семь случаѣ, такъ и въ др., нѣкоторыя фамиліи или же названія мѣстностей, могутъ оказаться неточными. Карандашный почеркъ подлинника кое-гдѣ неразборчивъ, такъ, что несмотря на всѣ старанія при его разборѣ и передачѣ, могутъ вкратиться неточности и ошибки, обѣ исправленія которыхъ читателей просимъ.

Редакція.

его со всей силы въ зубы, потомъ билъ его въ спину. Одинъ солдатъ билъ о. Хомицкаго полѣномъ, а другой большимъ камнемъ, держимымъ въ рукѣ.

9. дек. — Морозецъ. Въ 9 ч. утра прибыли 150 русскихъ плѣнныхъ солдатъ. Приведенные своимъ подѣофицеромъ, выстроились передъ бараккомъ, бойко и складно спѣли русскую пѣсню, затѣмъ на команду: шляпу долой! открыли головы и спѣли стройно и важно: Отче нашъ. Присутствующіе австрійскіе офицеры и солдаты также сняли шапки. Передъ завтракомъ (супомъ) спѣли речитативомъ. „Отче нашъ“. Все это производитъ на нашихъ крестьянъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Они глубоко тронуты, говорятъ: вотъ видимъ теперь, чья вѣра твердша. Русскіе плѣнные — это мастера, (столяры, плотники и др.), командированные сюда строить новые бараки, дѣлать „причи“ въ баракахъ и т. п. У нихъ есть топоры, долота, пилы и др. снаряды.

Днесь многихъ допрашиваютъ аудиторы. Нѣкоторые пишутъ прошенія. Кое-кто отпущенъ на свободу. Мы снова собираемся составить Majestätsgesuch. Послѣ обѣда были мы, вдвоемъ съ о. Сеникомъ, у судебного слѣдователя Фиды. Заявилъ намъ, что приказано намъ отправиться въ Вѣну, въ гарнизонный арестный домъ, и тамъ будетъ разбираться „дѣло“ всѣхъ членовъ „Народнаго Совѣта во Львовѣ“. Это заявленіе обезпостило меня и о. Сеника. Въ то время какъ другіе ждутъ скорого освобожденія, нѣкоторые же понемногу и въ самомъ дѣлѣ выходятъ (совѣтникъ суда Вл. Костецкій уѣхалъ вчера), мы идемъ на судъ! Черезъ 7 — 8 дней должны мы туда отправиться. Съ финансами у меня крайне круто: конгруи все еще не получилъ, денегъ нѣтъ. Разстанусь съ Янкомъ (*сыномъ*) и не знаю, гдѣ потомъ найду его.

Господи, что же то насъ ждетъ еще впереди? Такъ безпокоюсь... Д-ръ Николай Павловичъ (Глѣбовицкій), какъ юристъ, успокаиваетъ меня всячески, дай ему Богъ здоровья, которое, къ со-

жалѣнію, въ послѣднее время у него что-то портится.

Вечеромъ плѣнные русскіе воины долго пѣли свои чудныя пѣсни стройно и мощно, но намъ прислушиваться съ близка уже нельзя: караульные гонятъ насъ не только отъ рѣшетки, но даже съ гофа (двора) въ бараки. Вотъ злоба!

10. дек. — Спаль съ полуночи до утра плохо. Все кручина. Appetitъ пальъ совсѣмъ.

Распоряжено, что 10 нашихъ бараконъ должны дать 400 чел. на работы. Работникамъ обѣщано дать двойной столъ и 20 гел. въ день, но, хорошо зная, что это значитъ, наши крестьяне не хотѣли идти, потому посты стали выгонять ихъ всѣхъ изъ бараконъ на гофъ и тамъ сами стали изъ присутствующихъ выбирать подходящихъ. Постовой выгналъ и о. Скоморовича, еще больного отъ недавняго воспаленія легкихъ и не помогло то, что другіе за него заступались, ажъ когда узналъ объ этомъ вахкомендантъ, послалъ солдата, чтобы его воротили. Нѣкоторые караульные стали даже бить крестьянъ. За нихъ заступился о. Ст. Яворскій и сказалъ: „Такъ то выглядятъ тѣ льготы, которыя намъ обѣщаль г. полковникъ! А вѣдь онъ бить запретилъ“. За произнесеніе этихъ словъ солдатъ тутъ же записалъ о. Ст. Яворскаго къ рапорту на завтра.

Днесь я бось: далъ въ починку башмаки, подкинуть подметки. Ужась, какъ грабить насъ одинъ сапожникъ изъ Бучача: за само подшиваніе подметокъ беретъ по 4 кроны, съ меня, конечно, сорветъ больше, ибо мои башмаки шире.

Свозятъ очень много строительныхъ матеріаловъ и должны будто бы построить еще 30 бараконъ. Форменный городъ изъ бараконъ выростетъ въ Талергофѣ. Плѣнные русскіе солдаты работаютъ какъ столяры и плотники, но намъ строго запрещено обмѣняться съ ними словечкомъ. Нашимъ работникамъ выплачено за день по 20 гелл., а плѣннымъ по 60 гелл. Они строятъ бараки по русскому образцу, вкапывая въ землю.

На жалобу о. Свѣцкаго, что по-
стовые гонятъ священниковъ на тяже-
лая физическія работы, капитанъ зая-
вилъ, что этого больше не будетъ и
что Wache (стража) получить за это вы-
говоръ. Мы успокоились.

11. дек. — Всю ночь лиль дождь.
Я немного успокоился относительно мо-
его переѣзда во Вѣну. Да будетъ воля
Твоя, Господи, я ни въ чемъ не вино-
вень.

Утромъ, кромѣ уже установленнаго
числа работниковъ, даваемыхъ нашимъ
баракомъ, требуютъ еще 10 работни-
ковъ добавочно. Все это да и обраще-
ніе съ этими работниками вообще —
одно издѣвательство. Вотъ и видимъ,
какъ помогло заявленіе капитана! Чего-
то опять бѣсятся. Мы замѣтили, что съ
поры какъ мы взяли нашъ Majestätsge-
such обратно, съ нами обращаются ху-
же прежняго.

На дворѣ настала ужасная, непро-
лазная грязь, всѣ сидимъ въ баракахъ,
многіе недوماгають и лежатъ, воздухъ
спертый, скука, нудьга (тошнота).

Пришелъ. Иосифъ и прочиталъ пись-
мо отъ сына Ивана: онъ въ Бѣльскѣ,
съ женою и ребенкомъ. Пишетъ, что
Борыничі разрушены, его домъ въ Хо-
д-ровѣ ограбленъ, онъ безъ одежды,
недостатокъ средствъ къ существова-
нію и пр. под.

Въ 10 ч. тронулось похоронное
шествіе; подняты 3 гроба: свящ. о. Спры-
са, одного инженера и одного крестья-
нина. Печальный видъ! Хоръ пѣлъ, мед-
ленно двигаясь черезъ „гофъ“, маршь
Бетговена. Молигвенно трогательное на-
строеніе. Людей пошло немного, ибо
слякоть. Когда шествіе проходило ми-
мо плѣнниковъ, всѣ они снимали шап-
ки, стояли смиренно и чинно, почтитель-
но, не такъ, какъ это водится у воен-
ныхъ у насъ, что однажды австр. офи-
церъ привелъ солдатъ въ польскій ко-
стелъ, развалился въ послѣдней скамей-
кѣ и все время за богослуженіемъ те-
ребиль (щелкаль) орѣхи. Знаменательно!
(Особая зам.): По 11. дек. 163 усоп-
шихъ, 16 проколотыхъ, одинъ застрѣ-
ленъ.

Вечеромъ разошлась вѣсть, что въ
3-й серіи бараконъ нѣкоторые заболѣли
тифомъ и ихъ забрали въ госпиталь ба-
рака. Навѣрно и у Василя Мартынюка и
Франка Горянского и др. (прихожденіе о.
Машинка) развѣнется тифъ послѣ извѣст-
ной и незабвенной вшивой бани... вотъ
издѣваются надъ людьми!

12 дек. — Грязь и топь и лужа и
слякоть. Всѣ сидимъ въ баракахъ; воз-
духъ спертый.

Вчера я внесъ дополненія къ мо-
имъ показаніямъ, на руки сов. суда Фи-
ды, передалъ офиціалу. Днесъ ожида-
ють явки комиссіи, освобождающей от-
дѣльныхъ заключенныхъ, быть можетъ
явится и Фида, пойду къ нему и еще
разъ съ нимъ потолкую.

Былъ у меня Антоній Б., подарилъ
ему пару чулокъ. Сказалъ, что у нихъ
тифа нѣтъ, что слухи, кажется, невѣр-
ны, хотя, правда, послѣ купанья дѣйстви-
тельно много людей заболѣло.

Днесъ допрашивала комиссія о. Ев-
генія Хиляка изъ Мервичъ. Комиссаръ
Смулка спросилъ, за что арестованъ.

— Не знаю, за что, — отвѣтилъ
о. Евгений.

— А какая читальня у васъ?

— Общества им Качковскаго.

— А вы состоите ея членомъ?

— Разумѣется.

— Ну, вотъ за это и арестованъ!
— заключилъ комиссаръ рѣзко.

Всѣ священники вносятъ въ комис-
сію прошеніе, чтобы были допрошены
всѣ вмѣстѣ и въ одинъ день.

13. дек. — Всю ночь лиль дождь.
Капало съ крыши на лица спящихъ,
ихъ берлогу и платье. Человѣкъ отъ
этихъ холодныхъ капель просыпается и
еще больнѣе чувствуетъ всю безпомощ-
ность и безнадежность своего положенія.

Слышно, что „дзядзя“ (о. Дольниц-
каго) забрали въ Граць, въ монастырь.
Тамъ старичку-праведнику все таки бу-
детъ, думаю, сносно и уютно и покой-
но. По крайней мѣрѣ отдѣляется отъ
вшей и спать будетъ спокойно.

Нашъ Majestätsgesuch подписали
первыми: д-ръ Н. П. Глѣбовицкій, о. д-ръ

Н. Малинякъ и др. Днесъ долженъ быть отправленъ по почтѣ.

Днесъ воскресенье. Люди не захотѣли идти на работу. Вдругъ изобрѣтательный капитанъ Шмидъ велѣлъ призвать всѣхъ насъ, священниковъ, къ воротамъ и воззвалъ насъ повлѣять на народъ, чтобы шель на работу. Сказалъ, что вы молъ, многіе здѣсь терпите невинно, подобно первымъ христіанамъ въ древнемъ Римѣ, терпите изъ за ложныхъ доносовъ разныхъ „Schuft-овъ (негодяевъ) но потерпите еще, ибо что подѣлаете? и т. п. Часть людей все же пошла на работу.

Отправляющій здѣсь свою должность офиціаль полиціи называется Тымчукъ. Этотъ панъ пришелъ сюда днесъ уладить дѣло Шепелюка и выразился о заключенныхъ: „Mistvieh“ (скотъ), худоба“ и т. п.

Въ Перемышлѣ, идя чрезъ рынокъ, офицеръ вынулъ саблю и замахнулся ударить идущаго подъ конвоемъ о. Макара. Конвоирующій жандармъ (русинъ), заявилъ, что онъ теперь въ службѣ и со словомъ „спрячьте саблю“, вытянулъ противъ офицера штыкъ.

14 дек. — Грязь ужасная. Снѣгъ исчезъ, люди барахтаются въ болотѣ. Въ баракахъ многіе составляютъ разныя „поданья“ (прошенія) безъ малѣйшей надежды на успѣхъ. Особенно усердно секретарствуютъ о. Діонисій Кисѣлевскій, адвокатъ д-ръ Н. П. Глѣбовицкій. Говорятъ, что нужно бы пресить объ интернированіи во Вѣнѣ, ибо тамъ будутъ теперь квартира и столъ дешевле. Мнѣ предстоитъ поѣздка во Вѣну. Я приготовился, я не виновенъ ни въ чемъ. Жизнь въ гарнизонномъ арестѣ, говорятъ знатоки, въ сравненіи со здѣшней теперешней жизнью, куда лучше. А только много хлопотъ и возни съ тѣмъ, какъ мнѣ достать слѣдующую мнѣ конгруу, захотятъ ли выплатить ее Янку замѣсто меня. Надо таки гдѣнибудъ что то занять, ибо крайняя бѣда.

Полеживаю — нездоровится. Возлѣ меня лежитъ нотаріусъ Телесницкій. Все думаю о своей близкой поѣздкѣ въ Вѣну Вернусь ли я еще въ Талергофъ? —

не знаю. А быть можетъ, тамъ, во Вѣнѣ, придется и умереть.

Пишу эти записки и передамъ ихъ нотаріусу Телесницкому, одну же часть передамъ Нестору Цыбику на храненіе У Телесницкаго есть, кромѣ записокъ, списки Majestätsgesuch-a, прошеніе въ нунціатуру, телеграмма кардиналу Пиффлю (во Вѣнѣ) и пр., и также 18 картинокъ изъ нашей талергофской жизни, составленныхъ Іоанномъ Михайловичемъ Вербицкимъ. Въ союзники по изданію принялъ я д-ра Николая Глѣбовицкаго. Если бы я умеръ, а онъ могъ разобратъся въ моихъ запискахъ, прошу передать ихъ ему, пусть онъ потрудится, сбережетъ ихъ и перевезетъ на родину.¹⁾ Писать въ гарнизонной тюрьмѣ не будетъ возможно. При входѣ туда отнимаютъ у человѣка все — значитъ, уцѣлѣть можетъ только то, что здѣсь я записалъ.

Думаю, что Богданъ (сынъ) не приѣхалъ въ Галичину, но остался въ М. Bolešlav. Какъ ему тамъ живется, догадываюсь, навѣрно не весело. Денегъ у него нѣтъ, бѣдствуетъ... Но Господь поможетъ ему перенести это лютое время. Далъ бы я не знаю что за вѣсточку изъ Липицы.²⁾ Что тамъ теперь происходитъ? Здоровы ли и невредимы всѣ мои дражайшіе? Моя жена, предобрая, любая Антося, мои дѣти: Соня, Вѣра, Николка, Дозикъ, мой дорогой, любимый и праведный зять Феодосій (adv. дръ Ф. С. Залцъ) и его дѣтки? Ахъ, кабы я зналъ, что всѣ вы живы? Вѣсть эта укрѣпила бы мой унывающій духъ.

Надѣется выѣхать туда нотаріусъ Телесницкій изъ Делятина. Прошу его увѣдомить ихъ въ Липицѣ о моемъ здоровьи. Онъ надѣется поѣхать въ Румынію и по пути побывать въ Делятинѣ. Подай ему, Господи, силъ и исполни его желаніе. Онъ тоже отецъ и мужъ и подобно мнѣ болѣетъ и страждетъ, томясь неизвѣстностью относит. дѣ-

¹⁾ Судьба распорядилась иначе: авторъ записокъ вернулся на родину и нынѣ живъ, хотя и боленъ, а д-ръ Н. П. Глѣбовицкій умеръ въ Талергофѣ. *Прим. ред.*

²⁾ Авторъ записокъ — настоятель приходъ да Липица дольная. *Прим. ред.*

тей и жены. Такихъ какъ онъ и я у насъ теперь сотни, тѣсячи... А что и говорить о 70-80-лѣтнихъ старикахъ? Не перенести имъ нынѣшней бури событій и тяготъ своей жизни, а все таки и имъ хочется еще жить и хотъ бы увидѣть, что дальше наступитъ. Не дай Богъ помереть здѣсь, на чужбинѣ! Ежедневно молюсь: „христіанскія кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны“ (а мысленно добавляю: „дома, въ кругу родныхъ“) и т. д. Можетъ быть, Господь услышитъ мя грѣшнаго и въ добавку къ столь многимъ благодареніямъ, отъ Него мною полученнымъ, не откажетъ мнѣ и въ этой милости, дабы сугубо сердце мое было въ долгу предъ Нимъ, преисполненное благодаренія и любви!..

Я сталъ много-много набожнѣе здѣсь, начиная съ 6-го августа 1914 г., того рокового дня. И хранила меня рука Господня до сихъ поръ и милость и благодать Его почилъ на мнѣ. Изъ Рогатина во Львовъ конвоировали меня 2 жандарма, добрые люди, обращались со мной хорошо. И въ тюремѣ во Львовѣ было мнѣ, какъ узнику, сносно. И даже въ страшный день 31-го августа, во время нашего шествія будто бы на Голгофу, никто не ударилъ меня. Перенесъ всѣ истязанія и издѣвательства, со стороны конвоирующихъ насъ солдатъ въ вагонѣ и „публики“, т. е. бѣснующейся черни, на станціяхъ, съ 31-го августа по 4-ое сентября, я пріѣхалъ въ Талергофъ благополучно. Тутъ, нсчуя въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, можно было неразъ простудиться. Можно было много разъ попасть подъ „кольбы“ (приклады ружей) солдатъ „вахи“ (стражи), которая съ перваго же дня брала лишь однихъ священниковъ на тяжелыя физическія работы: рубку дровъ, къ насосу, привозу воды и т. п. А меня все это миновало. Затѣмъ ходилъ и я, но мало, 2 — 3 раза всего. На всякомъ шагѣ благодать Божія была на мнѣ. Порой не имѣлъ при себѣ ни геллера, и находились и тутъ добрые люди, которые давали мнѣ взаймы и, надѣюсь, дали бы и въ будущемъ. Могу сказать, что наши русскіе люди относятся ко мнѣ съ ува-

женіемъ и это уваженіе мнѣ всегда оказываютъ. Не думалъ даже, что такимъ почетомъ пользуюсь въ русской средѣ. Самые близкіе — это мои Schlafkameraden (товарищи по нарамъ): Богданъ Богдановичъ Дѣдицкій, о. Діонисій Кисѣлевскій, г. Теофиль Костецкій, нотариусъ Телесницкій и др. съ одной стороны, а съ другой: оо. Каленюкъ, Гр. Процькъ. Іоаннъ Винницкій и др. Шурья же: Вик. Красицкій обращается со мной холодно, а „Инцифоръ“ демонстративно холодно, а почему — не знаю. Даже малый Ярославъ Красицкій, какъ будто сторонится отъ меня. До сихъ поръ ни разу не заговорили мы о семейныхъ отношеніяхъ ни вообще о чемъ бы ни было, какъ если бы все было извѣстно и говорить не о чемъ. Охладѣли семейныя чувства, братъ брату сталъ чуждъ. Такое время, такой мѣръ теперь — всякъ про себя.

Замѣчу еще одно: Записки составляю по малорусски, боясь ревизій (обиска), а то если бы я писалъ ихъ общерусскимъ языкомъ¹⁾ то читая это, сказали бы: вотъ, видите, какой „руссофиль“! Слово это страшно звучитъ для нѣмецкаго уха и попадаютъ люди, которые въ испугѣ отрещиваются отъ всего „руссофильства“, хотя это слово — одно курьезное недоразумѣніе, ибо какъ русскій человѣкъ можетъ не быть „руссофиломъ“, да и вообще онъ не „руссофиль“, а просто русскій, а „руссофиломъ“ можетъ быть чехъ, полякъ и т. д. Чудно все это! Но не признавая русской націи у Карпатъ, приходятъ въ ужасъ отъ „руссофильства“ ея предстителей. И все же приходится серьезно толковать о „руссофильствѣ“ и даже оправдываться. Будучи допрошенъ въ львовской тюремѣ, я на этотъ воп-

1) Вопреки этому постановленію я желанію на дѣлѣ авторъ составилъ свои записки не по малорусски, а по русски, т. е. русскимъ литер. языкомъ, съ такими лишь незначительными отступленіями, какъ то, что у него окончаніе неопред. наклон. — ти; оконч. прилагат. — ого, ыя и т. п., т. е. съ тѣми же формами, которыми въ Галичинѣ, до войны, русскіе обходили запретъ австрійской администраціи писать и подавать властямъ что нибудь на чистомъ русскомъ литерат. языкѣ. *Прим. ред.*

рось отвѣтилъ, что у насъ не разбираются въ русской идеологіи или въ этомъ самомъ — какъ кому-то называть угодно — руссофильствѣ. У насъ есть — сказалъ я — четверное руссофильство. И такъ:

1) *политическое*, которое только въ самое послѣднее время нашло себѣ представителей;

2) *религіозное*, которое вылилось въ послѣдніе 3 года въ переходѣ отдѣльныхъ нашихъ селъ въ православіе;

3) *національное* и

4) *культурное*.

Два послѣднихъ представлены у насъ издавна многочисленнѣйше и съ ними ничего не подѣлаешь. Это руссофильство явно выступаетъ съ 1848 г., оно было провозглашено бл. п. о. Юанномъ Наумовичемъ въ 1866 г. въ львовскомъ сеймѣ. О немъ говоримъ мы на всѣхъ собраніяхъ и пишемъ во всѣхъ газетахъ и книгахъ и никто насъ не обвинилъ, что мы ipso facto питаемъ также политическое и религіозное руссофильство. У насъ не разбираются въ этомъ, и разъ кто-нибудь указалъ на меня, какъ руссофила, то меня считаютъ уже изъ-за этого и измѣнникомъ державы и церкви. А это не такъ. Такъ быть не должно, Судья выслушалъ меня внимательно и отмѣтилъ въ протоколѣ мою принадлежность, т. е. приверженность, вѣрность, національному и культурному руссофильству.

Послѣ обѣда развлекла меня немного полученная интересная вѣсть, именно д-ру Собину написалъ изъ Ново-Тарга его меценатъ, между прочимъ, что „война клонится къ концу“. Даль бы то Господь!

Совѣщался я днесъ съ о. Сенникомъ. Дѣло въ томъ, что мы не желали бы ѣхать подъ штыками. Постановили просить капитана, чтобы соизволил самъ или же повліялъ на полковника выдать распоряженіе, чтобы насъ сопровождали безъ ружья воины-подъ-офицеры. Не знаемъ, удастся ли намъ добиться этой маленькой уступки. Попробуемъ. Тяжело ѣхать подъ штыками. Вдоволь до сихъ поръ, въ теченіи 4¹/₂ мѣсяцевъ насмотрѣлись мы на эти штыки, проти-

вѣло до крайности. Предполагаемъ мы также, что съ южнаго вокзала во Вѣннѣ нужно будетъ взять автомобиль, ибо разстояніе большое, а у меня нѣтъ теплаго платья и могу простудиться, а въ автомобиль пріѣдемъ въ гарнизонную тюрьму быстро и замерзнуть не хватитъ времени. Тамъ, въ гарнизонѣ, будетъ произведенъ у насъ строгій обыскъ и отнять у насъ послѣдній клочокъ бумаги, такъ что тамъ продолжать своихъ записокъ не смогу. Беру съ собой лишь мое дорогое Св. Писаніе и моли-

Свящ. о. Исидоръ Дольницкій изъ Львова,

родился въ 1830 г., въ мѣстечкѣ Залозцахъ, у. Броды, въ Галичинѣ.

Талергофскій снимокъ.

Посѣщалъ гимназію въ Бродахъ, но уже послѣ окончанія 2-го класса и на 12 г. жизни вывезенъ былъ въ Римъ и отданъ на воспитаніе и образованіе въ тамошнюю гр.-кат. духовную семинарію (т. н. Athanasianum), послѣ окончанія которой тамъ же поступилъ на высшій богословскій факультетъ.

Рукоположенный въ іереи, состоялъ священникомъ - сотрудникомъ при кафедральномъ храмѣ св. Георгія во Львовѣ въ теченіе 4 лѣтъ.

Вызванный въ Римъ снова сталъ въ той же гр.-кат. духовной семинаріи духовникомъ и учителемъ церковнаго устава и церк. пѣнія. Послѣ 30 лѣтъ былъ снова переведенъ во Львовъ и до самого начала войны былъ преподавателемъ церк. устава и пѣнія въ гр.-кат. дух. семинаріи. Какъ профессоръ считался лучшимъ знатокомъ церковнаго устава и пѣнія и церковно-славянскаго языка.

Лѣтомъ 1914 г. проводилъ каникулы въ монастырѣ СС. Василіанокъ въ Словитѣ, уѣздъ Перемышляны, и дѣ и застала его война. Отступая передъ наступающими русскими войсками, австрійскія военныя власти внезапно арестовали его на полѣ какъ „шпіона“ и заставили его пѣшкомъ идти вмѣстѣ съ отступавшимъ авст. военнымъ отрядомъ. Когда послѣ продолжительнаго марша старикъ въ изнеможеніи падалъ на дорогѣ, его посадили солдаты на пушку и везли, строго приказавъ ему, какъ „шпіону“, чтобы смотрѣлъ все время на ослѣпительное (августовское) солнце и не смѣлъ разглядываться по сторонамъ. Привезли его во Львовъ, откуда съ транспортомъ въ 800 человекъ, другихъ арестованныхъ русскихъ, былъ онъ вывезенъ въ Талергофъ.

Послѣ 3-мѣс. заключенія былъ освобожденъ и поселенъ на нѣкоторое время въ Грацѣ а затѣмъ во Вѣнѣ. По окончаніи войны, вернулся во Львовъ и жилъ въ духовной гр. кат. семинаріи, затѣмъ совсѣмъ немощнымъ старикомъ пробылъ послѣдніе годы въ монастырѣ СС. Василіанокъ во Львовѣ, гдѣ и скончался въ 1924 г., на 94-омъ году жизни.

твословъ. Быть можетъ намъ тамъ позволяютъ чигать книги изъ гарнизонной бібліотеки. Надѣюсь, что пробуду тамъ 4 недѣли не болѣе и что къ процессу меня не привлекутъ, за мной вѣдь никакой вины нѣтъ.

На днесь, къ вечеру, нашъ баракъ (VIII) заказалъ себѣ хоръ съ концертомъ. Собрали для него 4 кр. 20 гел. на чай. Вотъ пропсютъ рядъ пѣсенъ и развеселятъ и ободрятъ насъ немножко.

Прогрессъ у насъ здѣсь. У насъ уже есть госпиталь. Да. И есть 2 сестры милосердія И вотъ какой случай днесь произошелъ: Приходитъ 70-лѣтній старикъ Алекс. Полянка и раздѣвшись, положилъ пальто на стулъ. Входитъ сестра милосердія, сбрасываетъ это пальто на землю и кричитъ: „что ты хотѣлъ бы мнѣ завшить комнату“? — Другой случай: Пришелъ о. Дроботъ, желая посѣтить больного іеремонаха о. Козаркевича. Входитъ сестра милосердія и кричитъ о. Дроботу (въ рясѣ): „маршъ отсюда, что, ты не знаешь, когда назначено время для посѣщенія больныхъ“? Вотъ это католическія сестры милосердія, монашенки! Къ гр.-катол. священникамъ, онѣ обращаются не иначе какъ чрезъ „Du“ (ты), грубо, гнѣвно и вызывающе. И это западная культура! На что-то подобное у насъ не осмѣлился бы и пьяный бродяга, а тутъ, кто? — женщина, нѣмка, сестра милосердія, монахиня. Бѣдныя тѣ больные, за которыми ухаживаетъ такая „сестра милосердія“, лучше было бы имъ безъ нея.

Группъ въ 51 чел., прочитали своебожденіе отсюда, именно однимъ полное освобожденіе, а другимъ частичное — будутъ конфинированы въ Леобенъ, въ числѣ послѣднихъ 3 судьи: Бачинскій, Чеснокъ и Дѣдицкій. Отпускаютъ уже кое-кого и изъ нашей партіи. Объявили свободу и о. Свистуну; онъ въ первый моментъ обрадовался, но затѣмъ отказался отъ этого благодѣянія. Дѣло въ томъ, что его семья насчитываетъ 8 душъ и жить на собственный счетъ, не имѣя 2000 кронъ дохода невозможно, у него доходовъ нѣтъ, вотъ онъ и остался дальше въ Талергофѣ и сидитъ вмѣстѣ съ неосвобожденными.

Узналъ, что о. Сенникъ переговаривалъ съ поручикомъ Пехтолдомъ, прося его о томъ, чтобы насъ обоихъ конвоировали солдаты безъ штыковъ и чтобы намъ была выплачена вся конгруа.